

О.В. Ананьин (Киев, Украина)

АТАКА ГУСАРСКОЙ БРИГАДЫ: МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

Н А СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ в российской историографии Балаклавское сражение освещено во всех значительных исторических трудах по Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Но детальному изучению тактики действий непосредственно частей и подразделений противоборствующих армий в современной российской и украинской исторической науке уделяется недостаточно внимания. Известные ученые дореволюционного и советского периода М. Богданович¹; А. Зайончковский²; А. Свечин³; Е. Тарле⁴, чьи труды признаны академическими, также не ставили в своих работах научной задачи изучения непосредственного хода полевых сражений с точки зрения тактики. Более того, М. Богдановичем и Е. Тарле, чьи труды по Крымской войне и по сей день считаются фундаментальными, многие факты касательно действий российской и английской кавалерии были заимствованы из зарубежных источников и поданы в интерпретации английских и французских исследователей и мемуаристов, в основном А. Кинглэка⁵ и С. Базанкура⁶. Такие иностранные заимствования, а также отсутствие анализа действий кавалерии с российской стороны привели к прочному закреплению в отечественной военно-исторической науке иностранной интерпретации результатов кавалерийских боев в ходе Балаклавского сражения, где всячески превозносятся достоинства британской кавалерии и преуменьшаются, а часто и вовсе замалчиваются заслуги российской кавалерии. В настоящее время это привело к процветанию различного рода военного мифотворчества, мало отражающего реальные события. Более того, всякого рода военные мифы в отечественной исторической науке

создали отрицательный образ российской кавалерии эпохи императора Николая I в противоположность положительному образу кавалерии викторианской Англии. Хотя какие-либо однозначные свидетельства этому современников отсутствовали. Вышесказанное определяет важность и актуальность исследований по Балаклавскому сражению.

В последние годы в России и на Украине снова наблюдается рост научного и общественного интереса к событиям Крымской войны, что позволило по-новому взглянуть на эпоху правления и армию императора Николая I. Это подтверждают работы современных российских и украинских ученых и исследователей: О. Айрапетова, Е. Белова, В. Виноградова, Л. Выскочкова, В. Дубровина, Н. Коротеевой, А. Кривопалова, А. Кухарука, И. Кудрявцевой, Т. Литвина, Ю. Наумовой, С. Пинчука, В. Рыбалки, О. Савченко, А. Саковича, С. Ченныка и др. Однако работы, посвященные боевым действиям с участием непосредственно кавалерии на Крымском театре военных действий 1854–1856 гг., в современной исторической науке пока представлены слабо. Это относится, в частности, к кавалерийскому бою гусарской бригады генерал-лейтенанта И. Рыжова с тяжелой кавалерийской бригадой бригадного генерала Д. Скарлетта. Целью данной публикации и является анализ этого кавалерийского боя.

В дореволюционной историографии Крымской войны на формирование образа российской кавалерии как рода войск продолжительное время влияло чрезмерное увлечение мыслящей российской военной элиты иностранной литературой по истории кавалерии и ее месту в армиях того времени. Первенство закрепилось за британцами. Именно о них в сознании российских историков и даже самих кавалеристов невольно сформировалось мнение как о лучших знатоках кавалерийского дела. Хотя в самой Великобритании еще перед Крымской войной появились работы, указывающие на отставание английской кавалерии как рода войск в развитии от кавалерий ведущих стран тогдашней Европы⁷. Также там указывалось на явные недостатки, требующие немедленного устранения. Таким образом, исходя из взгляда современников, самих британцев, на свою кавалерию начала 50-х гг. XIX столетия, можно сделать вывод, что она принципиально мало чем отличалась от российской и страдала от похожих проблем. Уровень подготовки офицеров, вооружение, моральный облик нижних чинов во многом

были на одинаковом уровне. Отдельные частные случаи не влияли на общее состояние английской кавалерии как рода войск. Тем не менее в российской историографии во взглядах на Крымскую войну появилось множество более поздних наслоений, вызванных ассоциативным восприятием Российской армии времен императора Николая I как одряхлевшей и отсталой по сравнению с армиями Западной Европы. Некоторым образом это было связано с осмыслением милютинских реформ в Российской армии 60–70-х гг. XIX в.⁸ Таким образом, мнение об иностранном превосходстве «во всем» над Российской армией периода Крымской войны прочно закрепилось в российской военной мысли. Так, известный российский военный историк и публицист Р. Фадеев сообщал о разговоре с одним английским офицером-кавалеристом следующее. Англичанин восхищался казаками и черкесами, а нашу регулярную кавалерию, на примере лучших гвардейских полков, охарактеризовал так: «...ну что вы говорите о мужиках, с трудом обученных верховой езде! Разве у нас так ездят? И чем бы я стал тут восхищаться?»⁹. При этом Р. Фадеев беспартийно признавал правоту за англичанином. В различных пособиях для изучения военной истории в военных училищах, а также общедоступных исследованиях по российской военной истории, касательно Балаклавского сражения указывалось на поражение, нанесенное англичанами российской гусарской бригаде на Балаклавских (Кадькиойских) высотах¹⁰. Причем историки мало обращали внимания на свидетельства очевидцев событий и другие исследования своих коллег. Впервые в крупном энциклопедическом издании по военной истории упоминание об успехе атаки российских гусар на английскую тяжелую кавалерийскую бригаду встречается только в начале XX в. – в Военной энциклопедии издательства И.Д. Сытина: «1-я линия пронеслась через бивак английской кавалерии и ударила на кавалерию бриг. Скарлетта, и после рукопашного боя заставила ее отступить»¹¹. Но переломить сложившееся к тому времени в российской историографии отрицательное восприятие того кавалерийского боя было уже сложно.

По мнению автора, для объективного исследования данного кавалерийского боя необходимо рассматривать его через призму тактики и свидетельств непосредственных участников исследуемых событий.

С российской стороны в данной кавалерийской схватке 13 (25) октября 1854 г. приняли участие Гусарский Его Императорского

Высочества Князя Николая Максимилиановича полк (командир генерал-майор И. Халецкий) и Гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полк (командир генерал-майор А. Бутович). Оба полка составляли 2-ю бригаду 6-й легкой кавалерийской дивизии. Временно исполнял обязанности командира бригады генерал-майор И. Халецкий, вместо выбывшего по болезни генерал-майора И. Величко. Обязанности командира Гусарского Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича полка принял полковник И. Войнилович¹². Общее командование кавалерийскими частями и конной артиллерией в Балаклавском сражении было возложено на генерал-лейтенанта И. Рыжова.

Для понимания действий российской кавалерии под Балаклавой необходимо уяснить для себя замысел сражения, определенный главнокомандующим российскими войсками в Крыму генерал-адъютантом, адмиралом князем А. Меншиковым, а также выяснить задачи кавалерийских частей. Наступление намечалось со стороны Чоргунского ущелья, по направлению к Балаклаве с целью захвата передовых редутов, прикрывавших английский лагерь со стороны деревни Чоргун и у Воронцовской дороги¹³. Задача генерал-лейтенанту П. Липранди ставилась, исходя из данного замысла: «...атаковать отдельный неприятельский укрепленный лагерь, прикрывающий дорогу из Севастополя в Балаклаву»¹⁴. Задачу кавалерии Чоргунского отряда поставил сам генерал-лейтенант П. Липранди. Непосредственный участник данных событий Е. Арбузов в своих воспоминаниях по этому поводу писал: «...направить Киевский и Ингерманландский гусарские полки, через взятые уже Балаклавские высоты, на неприятельский артиллерийский парк, стоявший правее деревни Кадыкиой. Гусары, приведя в негодность парковые повозки, должны были отступить; после чего артиллерийским огнем предполагалось произвести взрыв в парке, отвести который неприятель был бы уже лишен возможности»¹⁵.

После форсирования реки Черная частями Чоргунского отряда под командованием генерал-лейтенанта П. Липранди Гусарский Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича полк, Гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полк, Уральский 1-й казачий полк и две конные батареи выстроились в колоннах к атаке в ожидании команд на дальнейшие действия. В это же время с северной стороны Севастополя прибыл отряд генерал-майора И. Жабокритского и занял Федюхины высоты, обеспечив

правый фланг Чоргунского отряда. В пять часов утра начался штурм передовых редутов лагеря союзников. В результате атаки российской пехоты были взяты четыре передовых редута. После этого произошла перегруппировка сил в российской кавалерии. По приказанию генерал-лейтенанта П. Липранди, 5-й и 6-й эскадроны Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка были отправлены на правый фланг за Федюхины высоты для усиления отряда генерал-майора И. Жабокритского¹⁶. Английские войска в Балаклаве, встревоженные началом российского наступления, выдвинулись из города и заняли позиции к обороне между уже потерянными передовыми редутами и Балаклавой. Отступившие из редутов турки встали на правом фланге англичан. Генерал-майору Д. Кардигану с легкой кавалерийской бригадой было приказано выдвинуться к Балаклавским (Кадькиойским) высотам, в район потерянных передовых редутов, а бригадному генералу Д. Скарлетту с тяжелой кавалерийской бригадой приказано было занять позиции на левом фланге 93-го Шотландского (горцы Аргайла и Сазерленда) пехотного полка.

После взятия передовых редутов генерал-лейтенант И. Рыжов двинул в бой гусарскую бригаду. При этом один эскадрон Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка был оставлен в долине для прикрытия артиллерии. Гусарские полки двигались дивизионными колоннами в две линии. Чтобы достичь позиций неприятеля, гусарам необходимо было пересечь небольшую долину между Балаклавскими (Кадькиойскими) и Федюхиными высотами. Пройдя эту долину, гусарская бригада должна была подняться на возвышенности, образуемые частью Балаклавских (Кадькиойских) высот. Е. Арбузов так описывал местность, которую занимали позиции англичан: «...неприятельская позиция, в отношении нашего движения, представляла вид громаднейшего люнета, обращенного к нам горжей, фланги которого были: Сапун-гора и высоты близ Балаклавы; угол же его приходился по направлению к Георгиевскому монастырю»¹⁷. Исходя из описания местности гусарские полки рисковали попасть под огонь неприятельской артиллерии и пехоты, располагавшихся на Сапун-горе и окрестных возвышенностях, что и произошло в дальнейшем. Еще до непосредственного соприкосновения с кавалерией противника гусарская бригада начала нести потери от огня неприятельских стрелков и артиллерии. Достигнув рубежа начала атаки на предполагаемый

артиллерийский парк, гусарские полки неожиданно оказались перед кавалерией англичан, которую до этого скрывали Балаклавские (Кадькиойские) высоты. Далее последовал кавалерийский бой, результат которого в будущем породил множество споров. Следует учитывать тот факт, что самые подробные описания данной кавалерийской схватки с российской стороны оставили только двое непосредственных участников событий. Это генерал-лейтенант И. Рыжов, начальник всей кавалерии и конной артиллерии Чоргунского отряда и Е. Арбузов, штаб-ротмистр Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка. Их сравнительный анализ друг с другом и исследованиями английской стороны показал, что при наличии некоторых расхождений в данных описаниях кавалерийского боя есть и много общего. Оба российских участника гусарской атаки пишут про неожиданную встречу с английскими драгунами, построенными в боевых порядках. Оба утверждают, что англичане встретили гусаров, стоя на месте, таким образом дав им возможность совершить необходимые перестроения к атаке. А также оба участника сражения пишут об отступлении английских драгун и беспрепятственном возвращении своих гусарских полков на исходные позиции. Более того генерал-лейтенант И. Рыжов и штаб-ротмистр Е. Арбузов указали примерно одинаковое время хода кавалерийского боя – от семи до десяти минут. Также одинаково упомянули об особой ожесточенности схватки, в которой противники не желали уступать друг другу. Воспоминания были написаны этими людьми в разное время и опубликованы в разных изданиях, независимо друг от друга. Определив все это, можно сделать выводы о наличии некоторой степени достоверности в описании событий. Противником гусарской бригады была тяжелая кавалерийская бригада под командованием бригадного генерала Д. Скарлетта. Состав бригады: 1-й королевский драгунский полк; 2-й королевский Северо-Британский драгунский полк; 4-й королевский Ирландский гвардейский драгунский полк; 5-й гвардейский принцессы Шарлотты Уэльской драгунский полк; 6-й Иннискиллингский драгунский полк¹⁸. Отметим, что некоторые эпизоды в рассказах упомянутых авторов находят подтверждение в английской историографии. Е. Арбузов указывал на наличие неких коновязей и сервированных столов, которые гусарам пришлось преодолевать на пути к английским драгунам. В действительности это была часть английского лагеря, по некоторым английским источникам – часть

расположения легкой кавалерийской бригады генерал-майора Д. Кардигана. Английский историк К. Хибберт писал, что шотландской кавалерии приходилось прокладывать дорогу через палаточный городок легкой бригады¹⁹. Шотландской кавалерией данный автор называл 2-й королевский Северо-Британский драгунский полк, который в английской армии имел еще название «шотландские серые». Еще К. Хибберт называл время от начала до конца боя, которое примерно совпадает со временем, указанным И. Рыжовым и Е. Арбузовым: «Спустя восемь минут после того, как Скарлетт приказал подать сигнал к наступлению, русские галопом отходили по Воронцовской дороге в сторону Верхнего прохода»²⁰. Другой английский исследователь, Д. Суитман указывал, также как и И. Рыжов и Е. Арбузов, на тот факт, что бригадный генерал Д. Скарлетт остановил своих драгун, неожиданно встретив российских гусар на Балаклавских (Кадькиойских) высотах. Также из его описания можно заключить, что полки тяжелой бригады вступали в рубку не развернутым полковым строем, а поэскадронно, по мере выхода на удобный рубеж атаки, минуя всевозможные препятствия, затруднявшие движение (виноградники, неровности рельефа местности и пр.)²¹. По мнению автора, указанные факты могут служить подтверждением достоверности описываемых событий, так как о них упоминают российская и английская сторона. Однозначно в историографии разнятся только результаты этой кавалерийской схватки. Обе стороны однозначно приписали победу каждая себе. В принципе это не единичный случай в военной истории, когда нет неоспоримого поражения одной из противоборствующих сторон. Очевидец данного кавалерийского боя английский офицер А. Кинглэк также указывал на российское отступление: «В то же время английская кавалерия, под начальством Скарлетта, шедшая к Кадькиюю, напала на русскую кавалерию; произошло кавалерийское сражение, после которого русские отступили...»²² Если представить себе, что гусарская бригада действительно отступила, тогда почему англичане не предприняли никаких дальнейших решительных действий для ее окончательного уничтожения, как этого требовала и в данном случае всячески этому способствовала боевая обстановка. Тот же К. Хибберт объяснял отсутствие преследования со стороны тяжелой бригады англичан тем, что она, якобы, потеряла строй²³. Д. Суитман объяснял этот факт обеспокоенностью бригадного генерала Д. Скарлетта, тем, что, увлекшись преследованием,

его драгуны окажутся под губительным огнем российской артиллерии с Федюхиных высот²⁴. Еще стоит учесть, что рядом в боевых порядках, готовая к атаке, стояла легкая кавалерийская бригада генерал-майора Д. Кардигана. Сложившаяся боевая обстановка требовала от него поддержать и развить успех тяжелой кавалерийской бригады. Тем не менее обе бригады бездействовали и только наблюдали за российским отступлением.

Теперь подробно остановимся на численном превосходстве российских гусар в данной схватке, о котором бесконечно пишут иностранные историки, дабы подчеркнуть заслуги английской тяжелой кавалерийской бригады. У канадского ученого А. Трубецкого можно найти следующее утверждение: «Однако для британцев этот успех можно считать выдающимся: Скарлетт повел в бой 800 драгун против 1600 русских гусар и победил, заставив врага отступить»²⁵. Еще один свидетель данных событий капрал Г. Пауэлл из 13-го легкого драгунского полка легкой кавалерийской бригады, которая находилась в непосредственной близости от схватки, по поводу данного кавалерийского боя и отступления российской кавалерии вспоминал: «В наступление идет следующая шеренга; завязывается типичная схватка на саблях. Русской коннице это поднадоело; они развернулись и помчались во всю прыть назад под залпы ружейного огня...»²⁶ Как видно, это более чем скромное описание «выдающегося успеха» от свидетеля схватки, в которой английские драгуны якобы обратили в бегство численно превосходящие силы противника. Подобных соотношений численности российских гусар и английских драгун, как были приведены выше, множество, но все они мало соответствуют действительности. Часто историки сообщают просто штатную численность полков или общую численность российской кавалерии, что была в Чоргунском отряде, не указывая, что на драгун бригадного генерала Д. Скарлетта вышли только два гусарских полка, неполного состава, и то один из них без трех эскадронов. Теоретически российская бригада из двух полков легкой кавалерии в два раза превосходила по штатной численности английскую тяжелую кавалерийскую бригаду, состоявшую из пяти драгунских полков²⁷. Но под Балаклавой это могло произойти только в том случае, если в строй поставили бы сто процентов личного состава. Как указывалось выше, три эскадрона веймарских гусар в данном кавалерийском бою не участвовали, а выполняли другие задачи, и И. Рыжовым и Е. Арбузовым

прямо указывалось, что эскадроны их полков, еще до начала схватки, имели далеко не полный комплект личного состава. Эти факты позволяют сделать вывод, что в бою на Балаклавских (Кадькийских) высотах российские гусары, если и превосходили английских драгун численностью, то это превосходство явно не было решающим. Для определения – что же действительно произошло на высотах под Балаклавой во время знаменитого сражения, необходимо рассмотреть исследуемый эпизод с точки зрения тактики. Тогда возможно с некоторой долей вероятности восстановить картину, близкую к правде, и объяснить решение российского кавалерийского командования на отступление. Военная наука предполагает оставление воинскими частями своих позиций в зависимости от сложившейся боевой обстановки. Причиной этому далеко не всегда служит поражение, полученное от противника. В нашем случае, в объяснении отступления российских гусар сможет помочь знание боевой задачи которая ставилась главным командованием командиру российской кавалерии. Итак, как было сказано выше, в качестве боевой задачи от генерал-лейтенанта П. Липранди гусарским полкам ставилась атака на неприятельский артиллерийский парк. Выйдя к объекту атаки, генерал-лейтенант И. Рыжов обнаружил вместо предполагаемого артиллерийского парка подразделения тяжелой кавалерийской бригады англичан. Российских гусар и английских драгун разделяла часть полевого палаточного лагеря легкой кавалерийской бригады, которая, скорее всего, накануне сражения и была принята российским командованием за упомянутый артиллерийский парк. Как указывается очевидцами и историками с той и с другой стороны, эта встреча стала неожиданностью для обоих кавалерийских начальников, так как их движение скрывал пересеченный рельеф местности. Произошел кавалерийский бой, в котором обе стороны показали себя с наилучшей стороны. Зная боевую задачу, поставленную генерал-лейтенанту И. Рыжову командованием Чоргунского отряда, его дальнейшие действия вполне объяснимы. Выйдя на указанный рубеж атаки и дав бой неприятелю, начальник российской кавалерии посчитал свою задачу выполненной.

Как бы там ни было, но далее обстановка для российских гусар все равно складывалась неблагоприятно. Даже если предположить, что тяжелая кавалерийская бригада отступила с потерями, все равно она не была уничтожена и сохранила свою боеспособность.

На правом фланге, относительно двух российских гусарских полков, в боевых порядках, готовая к атаке, стояла легкая кавалерийская бригада генерал-майора Д. Кардигана. На левом фланге – турецкая пехота. В глубине позиций противника, за легкой кавалерийской бригадой, в сторону Сапун-горы, находились французская пехота и кавалерия, в сторону деревни Кадькиной по направлению к Балаклаве выстроился 93-й Шотландский пехотный полк, а за ним, на некотором расстоянии, английская артиллерия. Какие силы неприятеля находятся далее в Балаклаве и какая там сложилась обстановка, на тот момент генерал-лейтенант И. Рыжов не мог знать. Но он знал об общей задаче всего Чоргунского отряда – занять только передовые редуты укрепленного лагеря союзников, что в ходе сражения и было исполнено пехотой. Если бы И. Рыжов начал движение в сторону Балаклавы, то основные силы Чоргунского отряда остались бы далеко позади, на занятых редутах, на Федюхиных высотах, в долине реки Черная и, исходя из занимаемых ими позиций, не смогли бы оказать никакой поддержки гусарам. Возможный прорыв далее к Балаклаве двух гусарских полков, неполного состава и ослабленных в схватке с драгунами, без поддержки своей артиллерии и пехоты, вряд ли мог привести к успеху. В такой обстановке генерал-лейтенант И. Рыжов принял единственное разумное решение: отказаться от дальнейшего наступления и вернуться на исходные позиции. Тем более, что задачу, поставленную командованием, И. Рыжов считал выполненной, а цель сражения – захват первых четырех редутов неприятеля – была уже достигнута. Таким образом, данный кавалерийский бой не имел никакого результата. Но для английской стороны, для тяжелой кавалерийской бригады Д. Скарлетта оставление российской кавалерией поля боя, конечно же, выглядело как отступление. О чем и не преминули в скором времени написать английские исследователи²⁸.

Остается только догадываться, почему генерал-лейтенант П. Липранди в своем донесении князю А. Меншикову не указал подробностей этого боя²⁹. Скорее всего потому, что данный кавалерийский бой не оказал решающего влияния на исход Балаклавского сражения. Однако, у И. Рыжова по поводу этой схватки есть запись. «Я ... никогда не видал кавалерийской атаки, в которой обе стороны, с равным ожесточением, стойкостью и, можно сказать, упорством рубились на месте такое продолжительное время, да и

в военной истории кавалерийских атак немного встретишь таких примеров... Атака эта самыми недоброжелательными для нас людьми не может быть названа иначе, как самую смелую, решительную, образцовую...»³⁰ По мнению автора, отличными показателями для оценки атаки гусарской бригады на английскую тяжелую кавалерию в Балаклавском сражении могут послужить награды офицеров и нижних чинов, на примере Гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка. Из двадцати девяти офицеров полка, участвовавших в данной атаке, двенадцать были награждены орденами или производством в следующий чин. Из нижних чинов полка – семь получили знак отличия Военного Ордена святого Георгия Победоносца. Один унтер-офицер за храбрость был произведен в корнеты. Командир полка генерал-майор А. Бутович удостоился монаршего благоволения³¹. Это за бой, который длился, по воспоминаниям участников, семь-десять минут.

Итак, бой российских гусар с английскими драгунами, несмотря на ожесточенность, не повлиял на исход Балаклавского сражения в пользу какой-либо из противоборствующих сторон. Возможно, по этим причинам данному кавалерийскому бою на подступах к Балаклаве не уделялось достаточного внимания в отечественной военной историографии. Тем не менее, по мнению автора, как этот бой, так и вся российская кавалерия в Балаклавском сражении заслуживают более пристального внимания, чем сегодня принято считать. Не стоит забывать, что и сам император Николай I придавал этому роду войск важнейшее значение, как главной подвижной силе армии³². В полной мере заслуживают научного переосмысления итоги и уроки Балаклавского сражения в целом³³. Потому что данные события являются составной частью общей истории Российской армии эпохи императора Николая I – истории, к тому же, в современных условиях малоисследованной.

¹ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. III. СПб.: Тип. Ф. Сушчинского, 1876. 471 с.

² Восточная война 1853–1856 гг. Описание действий сухопутных войск генерал-лейтенанта А.М. Зайончковского // История русской армии. М.: Эксмо, 2007. С. 411–472.

³ Свечин А. Эволюция военного искусства. Т. II. М.-Л.: Военная литература, 1928. 619 с.

⁴ Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.: АСТ, 2005. 1368 с.

- ⁵ Kinglake A. *Invasion of the Crimea. V. I–VIII*. London, 1863–1887. P. 2800.
- ⁶ Basancourt C. de. *L'expédition de Crimée. L'armée française a Gallipoli, Vame et Sebastopol. Chronicles militaires de la guerre d'Orient. V. 1, 2*. Paris, 1858. S. 430.
- ⁷ Нолан Л. *История и тактика кавалерии*. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1871. 293 с.
- ⁸ Военные реформы 60–70-х гг. XIX в. // *Военная история Отечества: С древних времен до наших дней. Т. 2 / Под ред. В. А. Золотарева*. М.: Мосгорархив, 1995. С. 5–28.
- ⁹ Фадеев Р.А. *Вооруженные силы России. Т. II: Наш военный вопрос. Восточный вопрос*. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. С. 119.
- ¹⁰ *Русская военная сила. Вып. X*. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерова и Ко., 1889. С. 131.
- ¹¹ *Военная энциклопедия. Т. IV / Под ред. В. Ф. Новицкого и др.* СПб.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 352.
- ¹² *Новороссийский календарь на 1855 год*. Издательство Ришельевского Лицея. Одесса: Городская Тип., 1854. С. 269.
- ¹³ Тотлебен Э.И. *Описание обороны г. Севастополя. Ч. I*. СПб.: Тип. Н. Тиблена и Комп., 1863. 845 с.
- ¹⁴ *Донесение генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова о наступательном действии отряда генерал-лейтенанта Липранди против лагеря союзников, прикрывающих дорогу из Севастополя в Балаклаву // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV*. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 20–22.
- ¹⁵ Арбузов Е.Ф. *Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах*. // *Военный сборник*. 1874. № 4. С. 397–398.
- ¹⁶ Там же. С. 399.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Суитман Д., Мерсер П. *Крымская война. Британский лев против русского медведя / Пер. с англ. А. Колина*. М.: Эксмо, 2011. С. 42.
- ¹⁹ Хибберт К. *Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана / Пер. с англ. Л.А. Игоревского*. М.: Центрполиграф, 2004. С. 162.
- ²⁰ Там же. С. 164.
- ²¹ Суитман Д., Мерсер П. *Указ. соч.* С. 70–81.
- ²² Отрывок из сочинений Кинглэка о сражении под Балаклавою // Дубровин Н.Ф. *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV*. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 88.
- ²³ Хибберт К. *Указ. соч.* С. 164.
- ²⁴ Суитман Д., Мерсер П. *Указ. соч.* С. 79.
- ²⁵ Трубецкой А. *Крымская война*. М.: Ломоносов, 2010. С. 162.
- ²⁶ *Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны, написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го легкого драгунского полка // Military Крым: военно-исторический журнал. № 24*. 2013. С. 21.
- ²⁷ Брикс Г. *История конницы. Кн. 2 / Пер. с нем. Е.А. Рауш фон Траубенберга. (Печатается по изданию: Денисон Дж. История конницы. СПб., 1897.)* М.: АСТ, 2001. С. 255–256.
- ²⁸ Raugh H.E. *The Victorians At War, 1815–1914: An Encyclopedia of British Military History*. 2004. P. 209.
- ²⁹ *Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову Начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди, от 14-го октября № 3,076 // Собрание*

донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб.: Военная типография, 1858. С. 236–238.

³⁰ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Рыжова) // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1872. С. 78.

³¹ Борисевич А.Т. История 30-го драгунского Ингерманландского полка 1704–1906. Ч. II. СПб.: Тип. «Бережливость», 1906. С. 168–169.

³² Кухарук А.В. Большие кавалерийские маневры 1837 года под г. Вознесенском в контексте политики николаевской России // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 111–120.

³³ Кудрявцева Н., Рузаев В., Рибалка В. Балаклавська битва Кримської війни (1853–1856): підсумки, уроки // Кримська війна: історія та уроки 1853–1856 рр.: Науковий збірник. Матеріали Міжнародної наукової військово-історичної конференції, 27–29 вересня 2013 року місто Севастополь. К.: НВІМУ, 2013. С. 274–279.